Демограф на службе НАТО

Йоран Терборн

Gunnar Heinsohn. *Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen.* Munich: Piper, 2008. 189 p.[1]

Учитывая социальную остроту, неизменно присущую вопросам демографии, не перестаешь удивляться тому, насколько редко и слабо проявляются они в мейнстримном социально-политическом дискурсе. В рамках академических дисциплин демография и демографическая история всегда занимали очень скромное, довольно маргинальное положение, хотя и пользовались заслуженным уважением благодаря своей дотошности и блеску, присущему их лучшим представителям. В политическом плане демографические вопросы обычно поднимались представителями правых кругов и — власть имущими. Эти темы играли ключевую роль в меркантилистских рассуждениях о государствах и их сравнительной конкурентоспособности, в антиутопической политэкономии Томаса Мальтуса и при планировании массовых национальных армий — особенно во Франции, с ее передовыми методами контроля за рождаемостью. В обеих Америках в XIX веке демографический вопрос решался в форме контролируемой иммиграции. «Владеть — значит населять», — говорилось в Аргентине. На Кубе и в Бразилии иммигранты из Европы воспринимались как сила, способная осуществить социальный переход от плантаторского рабовладения к капитализму и промышленному производству, и в то же время повышающая «белизну» населения. В Северной Америке европейская иммиграция служила средством покорения Запада.

Снижение европейского уровня рождаемости в 1920–1930-х годах вызывало серьезную озабоченность у представителей всего политического спектра, от фашизма до скандинавской социал-демократии, включая и британское «национальное правительство». Альва и Гуннар Мюрдаль, звездная чета шведских модернистов-реформаторов, даже разработала масштабную социально-политическую программу, предусматривавшую облегченный доступ женщин к рабочим местам и снятие ограничений на противозачаточные средства в рамках обширной программы содействия добровольному обзаведению потомством. Впрочем, она включала также евгеническую стерилизацию «асоциальных» бедняков и умственно «отсталых». Социал-демократическая Швеция, как и нацистская Германия, оказала материальное влияние на свою демографическую историю, в противоположность пустопорожним претензиям Муссолини. Однако именно успех германских мероприятий — и последующее военное поражение — практически на весь послевоенный период дискредитировали политику поощрения рождаемости в странах Запада.

Книга Гуннара Хайнзона «Сыновья и власть над миром», претендующая на объяснение в демографии всего и вся, впервые была издана в 2003 году и с тех пор выдержала десять переизданий (хотя перевода на английский так и не появилось). Петер Слотердайк даже объявил Хайнзона родоначальником новой дисциплины — «демографического материализма». Хайнзон, родившийся в 1943 году, недавно оставил кафедру социологии в Бремене, где он также возглавлял Европейский институт по изучению геноцида. Благодаря своему чрезвычайно живому уму, который нередко переклинивало из-за грандиозных интеллектуальных амбиций, он тут и там подбирал Lesefrüchte, и его ранние работы включают как теорию семейного права (1974), так и теорию детских садов и обучения посредством игры (1975). Впервые Хайнзон получил широкую и несколько скандальную известность в 1979 году, когда в свет вышла его крайне своеоб-

разная интерпретация демографической истории Западной Европы, «Menschenproduktion» — «Производство людей». В 1980-е годы, идя по стопам другого живого ума, пустившегося во все тяжкие — психиатра Иммануэля Великовски — Хайнзон занялся Древним миром и поставил под сомнение общепризнанную историю Египта и Израиля, объявив последний более древним. В 1996 году совместно с Отто Штайгером он издал работу о «нерешенных загадках экономики» — «Собственность, проценты и деньги» (*Eigentum, Zins und Geld*).

Однако Хайнзон именно в 2003 году сорвал медийный джекпот, издав книгу, разбираемую в данной рецензии. «Сыновья и власть над миром», популярная работа по демографии, своим стремительным взлетом к статусу бестселлера в Германии, несомненно, обязана своему подзаголовку: «Роль террора в расцвете и упадке народов». Хайнзон предстает здесь как носитель политическо-демографического послания, снова исходящего из правых кругов. Грубо говоря, он пытается предупредить нас, что за пределами современного евро-американского мира скопилось слишком много рассерженных молодых людей — и в первую очередь, слишком много молодых мусульман. Разумеется, из мировой статистики хорошо известно значительное преобладание молодых возрастов — так называемый молодежный выступ — в структуре населения на Ближнем Востоке и в Африке южнее Сахары, в противоположность более значительной доле населения «трудоспособного возраста» в Восточной Азии и Латинской Америке и «старческого выступа» в Японии и Европе. Новым у Хайнзона становится интерпретация такой ситуации как одной из основных угроз, с которыми столкнется Запад в первой четверти XXI века. Сам Хайнзон благородно признает, что позаимствовал это определение у военного разведуправления США. Генерал-лейтенант Патрик Хьюз, возглавлявший это ведомство при Клинтоне, еще в 1997 году называл «феномен молодежного выступа» «глобальной угрозой для интересов США» и «ключевым фактором нестабильности в историческом плане». Однако Хайнзон, как хороший тевтонский теоретик, усмотрел возможность приукрасить скучный эмпиризм американской военной бюрократии глобально-исторической идеей: «Избыток молодых людей» (по-немецки *überzähligen*, «чрезмерная многочисленность») — «почти всегда ведет к кровопролитию и к созданию либо разрушению империй».

В книге Хайнзона содержатся три основных аргумента. Во-первых, утверждается, что для современной всемирно-политической ситуации характерны войны, терроризм и гражданские конфликты как следствие вышеупомянутого преобладания молодых возрастов в африканских и «западно-азиатских» странах, которое побуждает молодых людей — и прежде всего младших сыновей, стремящихся найти место под солнцем — к насилию в самых разнообразных формах. «Молодежный выступ» с дотошностью навязчивой идеи определяется в книге как ситуация, когда люди в возрасте от 15 до 24 лет составляют более 20 процентов населения — которую нетрудно предсказать на десять лет вперед, исходя из широкоизвестных данных о преобладании детских возрастов от 0 до 15 лет. Все эти цифры приводятся в первых главах книги, озаглавленных «Новый старый враг мира» и «Где живут молодые люди?» — вопрос, на который тут же дается ответ: «В мусульманских странах». Хайнзон признает, что «молодежный выступ» полностью проявится в Африке и на Ближнем Востоке к 2025 году, но утверждает, что глобальная угроза, которую он будет создавать в течение нескольких следующих десятилетий, может сделать XXI век еще более кровавым, чем век XX.

Во-вторых, в «Сыновьях и власти над миром» выдвигается идея о том, что европейский колониализм был порожден взрывообразным ростом населения, причиной которого была утрата средневековых знаний о контроле за рождаемостью. Хайнзон объясняет, что «всемирная экспансия» Европы привела к таким грандиозным успехам из-за того, что за ней стояли общества с четко определенными правами собственности, а следовательно, с банками, кредитами и деньгами. С другой стороны, дети современного «молодежного выступа» живут в бедных странах с дефицитом образовательных мощностей, способных обеспечить им желаемый статус. Наконец, Хайнзон поднимает тему низкого уровня рождаемости и плодовитости в Европе и задается вопросом о том, можно ли приучить европейских женщин с большим энтузиазмом стремиться к материнству. Однако он нападает на французское и немецкое «демографическое кейнсианство», поощряющее «некультурных» (*bildungsferne*) женщин-иммигранток к деторождению. Правильной будет та демографическая политика, которая создает для образованных «женщин-карьеристок» щедрые стимулы к тому, чтобы завести как минимум двоих детей. Все же прочие социальные обязательства и выплаты, по его мнению, следует отменить, сохранив их только для инвалидов с физическими и умственными отклонениями.

В отношении же того, что делать с рассерженными молодыми людьми *ante portas*, Хайнзон высказывается почти так же сдержанно, как его вдохновители из Вашингтона и Вирджинии. Директор института по изучению геноцида слишком осторожен для того, чтобы говорить, что поубивать их всех — самое дешевое и самое рациональное решение. Вместо этого он ссылается на американскую стратегию «победить–удержать–победить», которую можно перевести на повседневный язык как «убить (превентивно) — подавить (всех прочих врагов) — убить (очередного врага, прежде чем он поднимет голову)». Хайнзон ясно дает понять, что «война с террором» — это долговременное наступление («в течение всей нашей жизни») на полчища недовольных молодых людей в исламском мире. Книга была написана в преддверии вторжения в Ирак, которое Хайнзон поддерживал изо всех сил, и содержит необходимую дозу мрачных рассуждений о «кровавых диктатурах» и «оружии массового поражения». В последнее время его точка зрения в большей степени учитывает политические тенденции — возможно, вследствие того, что Хайнзона как автора «Сыновей и власти над миром» часто приглашают выступать в немецкое министерство внутренних дел, германскую разведку и НАТО. При всякой возможности он утверждает, что рассерженным молодым людям следует позволить убивать друг друга, как в Сомали или в Дарфуре. Если это не поможет, рекомендуется осторожная военная помощь «более цивилизованной» стороне — здесь в первую очередь предлагается вспомнить о поставках французского оружия для алжирского режима, ведущего борьбу с исламистами. Но как только рассерженные молодые люди начнут представлять угрозу для западных интересов, превентивный военный удар необходим. При этом не нужно ни длительной оккупации, ни каких-либо попыток «государственного строительства». Они не только обходятся в кругленькую сумму, но и бессмысленны, пока число рассерженных молодых людей продолжает расти.

Тем не менее, в странном противоречии с любовью — возможно, безответной — к демографии и ее влиянию на баланс сил, Хайнзон молчит по поводу одной важной переменной в отношениях между «Западом» и рассерженными молодыми мусульманами — их сравнительной способностью убивать. В израильской операции против сектора Газы в 2009 году израильтяне убили примерно в 100 раз больше человек, чем палестинцы. На первом этапе второй войны США с Ираком это соотношение приближалось к 1000:1. И это упущение сразу же лишает анализ Хайнзона полноты. Превосходящая способность убивать нередко играла решающую роль в ходе европейской экспансии, начиная с победы Писарро над инками в эпоху мушкета и заканчивая победами французов и англичан в Африке в эпоху пулемета.

Научная репутация Хайнзона среди немецких ученых его собственного поколения, согласно неформальному опросу, ничтожна — «нулевая», как выразился один коллега; однако в целом признается, что его медийное присутствие в качестве интеллектуала-оригинала нельзя назвать неоправданным. Обе эти оценки становятся понятны после прочтения «Сыновей и власти над миром», даже если эта книга — по сути, представляющая собой памфлет в 15 тысяч слов, не заслуживает того, чтобы ее вслед за Слотердайком называть «Капиталом» нашего времени. Безусловно, никто, изучающий демографию — и вообще историю как таковую — серьезно, не сможет переварить демографическую историю Европы с XV века до наших дней в изложении Хайнзона. И это совсем не мелочь, поскольку, согласно автору, те же самые процессы привели к последующему покорению Европой всего мира. Хайнзон утверждает, что средневековые европейские знания о противозачаточных средствах были утрачены в ходе массовой охоты на ведьм, которая особенно сильно ударила по акушеркам. Контрацепция стала караться смертью. Последовавший взрывообразный рост населения привел к империалистической экспансии — первоначально в Португалии и Испании — и к внутренней революции в Нидерландах и Англии (выборочно цитируется Голдстоун). Согласно стремительному экскурсу Хайнзона по дальнейшей мировой истории, европейский демографический рывок в конце XV века не только создал контуры современного мира благодаря колониальным завоеваниям, но также, экспортируя свою фобию к контрацептивам, определил последующее течение глобальной демографической истории: «Переход… к взрывообразному росту населения во всем мире начался после того, как контроль за рождаемостью в областях, покоренных европейцами, начал преследоваться так же свирепо, как и на Старом континенте».

> При всякой возможности он утверждает, что рассерженным молодым людям следует позволить убивать друг друга, как в Сомали или в Дарфуре

Подобное изложение противоречит демографическо-историческим исследованиям буквально во всей их полноте. По общепризнанным данным, в конце XV века не наблюдается никакого изгиба на кривой роста европейского населения — он появится двумя столетиями позже; мы видим лишь возвращение к прежнему уровню после опустошений, учиненных чумой в XIV веке. Согласно таким работам, как «Европа и ее люди» Ливи-Баччи и «Демографическая история Англии» Ригли и Скофилда, европейские демографические процессы главным образом определялись или были связаны с ценами на продовольствие и реальным уровнем заработков. К западу от линии Триест–Санкт-Петербург, совпадавшей с границей средневековых поселений германцев, действовала необычайно гибкая система поздних браков, благодаря которой значительная часть населения оставалась в неженатом состоянии. Во всемирном масштабе главная идея демографической науки — сформулированная с излишней, по моему мнению, жесткостью в теории «демографического перехода» Ж.-К. Шене — сводится к тому, что ускорение роста населения обусловлено снижением смертности. В то время как Хайнзон абсурдно преувеличивает значение контроля за рождаемостью в прежние эпохи, как и борьбу политико-религиозных кругов с ним, существует множество доказательств того, что на самом деле контрацепция зародилась в XVII–начале XVIII века среди некоторых групп элиты: у еврейской буржуазии в таких итальянских городах, как Ливорно и Флоренция, у женевских патрициев, английских пэров и шведской знати.

Можно ли «молодежным выступом» объяснить волнения 1968 года? Во Франции в 1960–1970 годах действительно имел место поразительный рост числа подростков — почти на 50%; чуть меньше — в США. В Италии и Великобритании наблюдался лишь скромный прирост, а в Германии и Швеции число подростков даже немного снизилось, хотя шведская возрастная группа 20–24-летних выросла более чем на 40%. Тем не менее отчаянная борьба за статус, по-видимому, не имеет никакого отношения к молодежным бунтам 1960-х годов. 1960–1970-е годы были золотой эпохой европейской континентальной экономики при постоянном росте занятости. Рабочие места при университетах множились, быстро развивающиеся системы социального обеспечения создавали

Читаем Фуко с Русланом Хестановым на с. 108–112

новые рынки труда для женщин, колоссально расширился рынок труда «белых воротничков», а заводы сталкивались с острой нехваткой рабочих рук, которую преодолевали путем приглашения иммигрантов в северо-западную Европу. Лично я, как радикал 1960-х годов и представитель поколения «бебибумеров», в ретроспективе нахожу нашу тогдашнюю беззаботность по поводу работы и карьеры просто поразительной. Даже те из нас, которые, подобно мне, не были выходцами из привилегированных или интеллектуальных кругов, были убеждены, что после эпохи бурной политической деятельности так или иначе найдут достойную работу.

Подобно всем прочим данным, демографическая статистика может обернуться нелепостью, если попытаться экстраполировать ее без учета широкого социально-экономического контекста. В Швеции, по населению которой мы имеем практически полные цифры начиная еще с 1750 года — раньше, чем для какой-либо другой страны, — «молодежный выступ» наблюдался еще с XVIII века (а скорее всего, и ранее) и до Первой мировой войны. Но это обстоятельство практически ничего не дает нам в смысле понимания шведской истории. Демография, даже подаваемая в сугубо академическом ключе, не становится наукой о нравственности — чем, в частности, объясняется ее привлекательность для военных бюрократов. Наличие «молодежного выступа» не объясняет ни репрессивного характера шахского режима в Иране, ни террора израильской оккупации Палестины, ни ужасов тех войн, которые США вели во Вьетнаме, Ираке и Афганистане, ни оскорбительных высказываний исламофобов, ни лицемерия либерального капитализма, ни удушающих оков патриархального строя. Консервативная привлекательность идей, подобных хайнзоновской, состоит в их разоблачительности: ты думаешь, что протестуешь против того или этого, но в реальности лишь тупо борешься за место под солнцем в переполненном «молодежном выступе». И тем не менее страхи Пентагона перед рассерженными молодыми людьми, из числа которых не стоит априорно исключать прослойку рассерженных молодых женщин, не следует воспринимать как иррациональную паранойю. Эта молодежь, зараженная бунтарским духом, в самом деле может стать предвестником социальных перемен; однако их направление будет определяться политической борьбой.

В военном плане численность населения страны мало что значит в эпоху высокотехнологичного оружия и применения великими державами наемников. В наши дни демографические тенденции с большей вероятностью скажутся в экономической области. Воздерживаясь от псевдодетерминистских предсказаний, отметим все же, что старение и сокращение населения в Европе и Японии, скорее всего, в долгосрочной перспективе приведет к ослаблению их позиций по отношению к США, Бразилии, Китаю и Индии. Япония никогда уже не станет «номером 1», и ЕС вряд ли когда-либо превратится в «самую конкурентоспособную в мире экономику, основанную на знаниях». О том, что демография способна оказать позитивное воздействие на экономическое развитие, говорилось не раз: с точки зрения меркантилизма рост населения — это актив, а не социальная проблема.

Парадокс демографии состоит в том, что наделяя нас сведениями о жизни человечества, она в то же время способствует развитию инструментального отношения к людям. На наших глазах происходит реабилитация неосоциал-дарвинистского дискурса и демонизация молодежи за пределами Европы: из стратегических разработок ЦРУ и Пентагона этот подход проник в бременские исследовательские институты, а оттуда — в либеральные СМИ и в командование НАТО. В лице Гуннара Хайнзона и ему подобных мы видим опасное возрождение идей, процветавших до 1945 года, при том же презрении к нецивилизованному миру, к низшим расам, к правам других народов. ■

Сергей Сафонов. В саду у Данути. 2007

ГУННАР ХАЙНЗОН — НЕМЕЦКИЙ СОЦИОЛОГ И ДЕМОГРАФ; В ПРОШЛОМ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ИМ. РАФАЭЛЯ ЛЕМКИНА ПРИ БРЕМЕНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

Theorie des Familienrechts. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976 (Теория семейного права).

Wie alt ist das Menschengeschlecht? Gräfelfing: Mantis, 1991 (Возраст человечества).

Warum Auschwitz? Hitlers Plan und Ratlosigkeit der Nachwelt. Reinbek: Rowolt, 1995 (Почему Освенцим? Замысел Гитлера и растерянность потомства).

Lexikon der Völkermorde. Reinbek: Rowolt, 1998 (Энциклопедия геноцида).